

Анго
Сакагути

ДомиК
в бамбуковых
зарослях

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
С 15

尾お
竹藪の家

Перевод с японского
Евгении Фроловой, Евгения Мягкова

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-31911-0

© Е. В. Мягков, перевод, 2026
© Е. Л. Фролова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Автобиография на ладони

(Моя краткая биография)

Я появился на свет не по своему желанию и не выбирал ни отца, ни мать.

Эта предопределенность преследует человека всю жизнь. Мы постоянно что-то выбираем, но само начало нашего существования не зависит от нашей воли.

С самого рождения человек — дитя, рожденное случайно в игре, где кости бросают другие. Наша культура может громко провозглашать свободу воли, но это лишь воздушные замки, и, когда маски спадают, знание возвращает нас к несвободе.

Браки по любви считаются прогрессивными, а сватовство — дурацким пережитком. Когда люди в конце концов поймут, что любовь — всего лишь непостоянное чувство, тогда браки по сговору, где будущий союз зависит от других людей, будут вызывать определенный интерес и, возможно, станут забавой для интеллектуалов через сто лет.

Что до моей биографии — я родился в Ниигате, учился в обычной младшей школе, потом в средней, откуда меня исключили. Казалось бы, с этого момента я сам выбирал свой путь. Но кости, брошенные другими, все равно преследовали меня.

Меня раздражают эти биографии, похожие на послужной список, — будто надо мной издевается демон, бросающий игральные кости. Поэтому напишу по-другому.

В начальной школе на физкультуре я едва не лишился носа — летящий диск просвистел в сантиметре от моего лица. В средней школе, стоя на стадионе, я едва не стал кастратом — копьё метнули так неудачно, что оно воткнулось в землю аккуратно между моих раздвинутых ног. До сих пор, когда у меня жар, мне снятся эти диск и копьё.

В двадцать лет, поднимаясь в одиночку в горы, я сорвался в ущелье. Падая, я подумал: «Ну вот и конец». Но не было ни страха, ни печали. Правда. Потом открыл глаза — в горном потоке над водой торчала только моя голова. Меня спас набитый рюкзак.

В двадцать один год, читая книгу, я вышел из трамвая — и тут же был сбит автомобилем. Кувыряясь в воздухе, полетел головой вниз, но навскидку спасли меня — я успел выставить руки вперед, так что отделался трещиной в черепе.

До двадцати семи лет я оставался девственником.

Потом, лет с двадцати семи или двадцати восьми, целых три года жил с чужой женой, и это была катастрофа, которая затмила все предыдущие опасности: метательные диски, копьё и машины. Я до сих пор не понимаю, как выжил, и стоит только подумать об этом, как перед глазами словно опускается черный занавес.

С тех пор я стараюсь по возможности избегать риска и прожил уже довольно долго, но вы и без моих признаний, вероятно, понимаете, что я, как тот отшельник из Кумэ¹, постоянно живу в смертельной опасности.

Алкоголь я пью с двадцати шести и с того времени выпил, наверное, порядка пятнадцати коку².

¹ *Отшельник из Кумэ* — легендарный персонаж, даосский отшельник, потерявший свои волшебные способности, увидев женские ноги. Упоминается во многих произведениях японской литературы, в том числе в «Собрании стародавних повестей» (датируется первой половиной XII в.). — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Коку* — традиционная японская мера объема, примерно равна 180,39 л (изначально применялась для мешков риса, которыми расплачивались и измеряли доход).

Деревня Куротани

Ягурума Бонта посетил деревню Куротани отнюдь не из-за особой дружбы с Хатия Рюдзэном или какого-то исключительного к нему интереса. Более того, сама мысль о Куротани еще до отъезда внушала ему почти что отчаяние. И все же он рассудил, что это лучше, чем оставаться в Токио, и, скрепя сердце, приехал, пережив долгую тряску в ночном поезде.

Настало лето, и, глядя на пушистые, словно вата, облака, что проплывали в вышине, Бонта ощущал в себе неудержимую жажду странствий, влекущую его в горы.

Когда в лазури плыли белые облака и он всем своим существом ощущал дыхание гор, но вынужден был в силу какой-то нелепой необходимости топтаться в каменных джунглях, его охватывало своего рода сильное нервное истощение, все тело — все пять чувств — испытывало странную жажду, и внезапно нападала бессонница.

Не было на то особой причины, но всю его жизнь определяли два пейзажа. Один, разумеется, — горы, а другой — шумная, клокочущая толчея го-

рода. Когда эти два мира смешивались в нем, он не мог выразить это словами, но явственно ощущал сам момент слияния — и тогда с особой остротой осознавал, как его тело медленно тает, растворяясь в этом потоке.

Тяжкая ноша, что он носил на себе изо дня в день, словно спадала с плеч у обочины горной дороги, и, если прислушаться, можно было различить легкий, чистый, звенящий звук, колокольчиком тихо разлетающийся во все стороны.

От природы он был хрупкого сложения, и восхождения в горы давались ему нелегко. Но зато после этого — целый год, пока вновь не наступал сезон плывущих облаков, — он живо помнил синие горные хребты и себя, взбирающимся наверх в их призрачном отражении. И тогда забывались и одышка, и все мучения, оставалось лишь радостное чувство, как будто он освобождается от тьмы, обступающей со всех сторон, и летит к свету.

Подобно тому как в горном безмолвии ему вспоминалась благословенная суета города, так и в городской толчее перед ним неожиданно возникал образ гор — зримый, слышимый, проникающий в кожу, словно насыщенный аромат. В этом было нечто ностальгическое, как будто усталые, опустошенные мысли возвращались в родную обитель, чтобы в ней раствориться.

В моменты, когда его охватывала эта жестокая *nostalgie*, он ощущал жгучую жажду каждой клеточкой своего тела и думал: а что, если прямо сейчас, посреди этой городской толчеи, он упадет

в обморок и в следующее мгновение каким-то волшебным образом его тело уже окажется в горах? Именно в такие дни он не знал, куда деть руки — они будто обретали собственную волю, словно живые существа, и начинали беспокойно метаться, хватаясь то за плечи, то за поясницу, то за спину, то за пустоту.

Однажды в такой именно день, идя в толпе, он вдруг вспомнил Хатия Рюдзэна. Так просто, безо всякой причины. У него не было денег на поездку, а Рюдзэн жил в глухих горах. Бонта и Рюдзэн не были особенно близки, даже в студенческие годы. Просто у обоих не было других приятелей на курсе, и потому они иногда встречались, считая себя довольно хорошими друзьями. Даже к моменту выпуска они обращались друг к другу на «вы» и использовали вежливые обороты, разве что в пылу спора или под хмельком позволяли себе грубоватые выражения — но тогда это выглядело естественно.

Рюдзэн не был человеком выдающихся способностей. Он был тем, кем и казался на первый взгляд, — самым заурядным добряком. Но у него были свои достоинства — в нем не было ни капли злобы, и, несмотря на провинциальность, он мыслил и рассуждал как городской житель, пусть и вполне банально, но искренне.

Рюдзэн был одинок — ни родителей, ни жены. Молодой настоятель храма Канрандзи в деревне Куротани. Но в тот миг, когда Бонта вдруг вспомнил о нем, перед ним возник образ Рюдзэна в мо-

нашеском одеянии, и в этом не было ничего странного или смешного — хотя он никогда не видел его таким. Видно, в нем и вправду было что-то от монаха. Даже час сидения с ним лицом к лицу показался бы вечностью, а уж провести вместе все лето — одна мысль об этом уже тяготила. К тому же, как он выяснил по географической карте, деревня Куротани находилась хоть и в горной местности, но на самом деле в котловине между горами.

Однако в тот год Бонта пережил череду неприятных событий и был морально истерзан. Он чувствовал на своих плечах тяжкий груз апатии, близкой к отчаянию, поэтому решил, что лучше так, чем предаваться тоске в Токио. Он надел рюкзак и сел на ночной поезд, но его груз, казалось, становился тяжелее с набором скорости.

На следующее утро он сошел на маленькой горной станции. Когда пассажиры разошлись и на открытой платформе осталось не больше десяти человек, он с удивлением увидел Рюдзэна, который пришел его встретить. В соломенных сандалиях, в старомодном пиджаке, похожем на парадное камисимо¹, с бледным круглым лицом, он неуверенно обходил пассажиров, словно облизывая каждого взглядом, пока не отыскал Бонту.

Заметив его издали, Рюдзэн медленно двинулся навстречу, вертя в одной руке за веревку что-то

¹ *Камисимо* (катагину) — накидка без рукавов с широкими плечами-«крылышками», разновидность официальной японской мужской одежды, популярная вплоть до середины XIX в.

длинное и тонкое, и, приблизившись, произнес: «Ага!» Это непринужденное, до простоты обыденное поведение настолько поразило Бонту, что он тут же почувствовал, как его охватывает какое-то необъяснимое, но теплое чувство близости, совсем непохожее на ожидаемую тяжесть. Оказалось, что Рюдзэн вертел за веревку еще одну пару соломенных сандалий. Он велел Бонте надеть их — им предстояло пройти по горной тропе около десяти ри¹.

Бонта любил идти по совершенно безлюдной горной тропе, смакуя безмерное одиночество и задыхаясь от свежего ветра. Бесспорно, это было мучительно: в изнеможении он уже не ощущал внутри себя ничего похожего на энергию, ничего твердого, тело его было покрыто липким потом, и казалось, будто оно тоже превратилось в стекающую слизь. А стоило только поднять голову, как невыносимо яркий свет, звеня натянутой струной, ослеплял его; голова кружилась, и в этот миг необъятная пустота и величественная душа гор врывались в его сознание, распахнув завесу тьмы.

В горах со всех сторон звенели цикады, и казалось, будто весь мир состоит только из этого звука. Бонта слизывал пот, стекающий по лицу, и погружался в какое-то подобие опьянения, — если бы он рухнул сейчас здесь в тени скалы, ему было бы уже все равно. Он не чувствовал ответственности даже за собственное тело, как если бы оно принадлежало другому, и, глядя в ясное небо в порыве отчая-

¹ Ри — японская мера длины, исторически использовалась для измерения расстояний по суше. Равна примерно 3,927 км.

ния, ощущал лишь невыносимую жалость к самому себе — одинокому ничтожному существу.

Не пройдя и одного риджа по горной тропе, Бонта уже впал в это опьянение, тогда как Рюдзэн, несмотря на нездоровый вид, судя по всему, привык к таким переходам: с самого начала его неуклюжая походка не выдавала усталости. Казалось, он уже совсем забыл о своем спутнике и молча брел, шаркая ногами. По правде говоря, за все это долгое путешествие они лишь раз осознали присутствие друг друга — в тот момент, когда спускались к горному ручью. Подумав, Бонта понял: это случилось как раз на середине долгого пути. Должно быть, там был какой-то ориентир, потому что Рюдзэн вдруг указал на изгиб ручья в долине и предложил отдохнуть.

Внизу лежала глубокая-глубокая долина — они слышали шум воды, но даже ее цвет невозможно было разглядеть. Спуск по крутому заросшему склону был крайне опасен — одно неверное движение, и можно было сорваться, а если бы они даже спустились, то одной мысли о мучениях подъема обратно хватило бы, чтобы отбить всякую охоту к такому отдыху. Но Рюдзэн после своих слов без колебаний шагнул в чащу, и Бонте пришлось последовать его примеру. Однако, начав спускаться, он увидел, что опасность представлял не столько сам спуск, сколько манера Рюдзэна спускаться.

Тот с важным видом оглядывался на Бонту, словно оберегая его, но при этом сам едва держался на ногах. Раз-другой он терял равновесие и съезжал на несколько шагов, едва успевая остановиться, но,

казалось, совершенно не замечал этого, а лишь строго смотрел на ноги Бонты, что было довольно комично. Наверняка, проходя этой дорогой, Рюдзэн имел привычку останавливаться на отдых именно здесь. Добравшись до ручья, он, как по заведенному порядку, снял одежду, повесил ее на ветку клена и плюхнулся в воду.

Ручей был здесь довольно широк, в некоторых местах глубиной по грудь. Рюдзэн то ложился на живот, раскинув руки, и пускал пузыри, потом вдруг, ловко извернувшись, переворачивался на спину, а затем снова ложился на живот — словом, он купался всеми способами, кроме собственно плавания. Они доели рисовые колобки, сидя в тенистом ущелье, и Рюдзэн растянулся на плоском камне, предложив Бонте сделать то же самое. Вскоре он крепко заснул. Глядя на его нездоровое худое тело с ребрами и суставами, резко выделяющимися под кожей, Бонта думал, что оно похоже на иссохшую лягушку, прилипшую к камню.

Ему казалось, что это всего лишь останки, в которых невозможно обнаружить никаких признаков жизни, не говоря уже о душе. Спать ему не хотелось, и потому следующие три часа, пока Рюдзэн не проснулся, он предавался странному, тоскливому отчаянию: то бултыхался в воде, то прислушивался к шелесту ветра в ветвях над ущельем, то разглядывал полосатую змею, уползающую в кусты.

Они добрались до перевала Куротани, когда уже стало темнеть. Бонта оглянулся назад и увидел, как пройденный сегодня путь превращается в набе-

гающие друг на друга горные волны, растворяясь в густой лиловой мгле. Под затухающий далеко в горах стрекот цикад они спустились с перевала, и пейзаж вокруг стал совсем иным — обыденным и привычным. Все горы вокруг были изрезаны террасами рисовых полей, и рис колосился до самых вершин — днем, должно быть, по полям пробегали зеленые волны, а сейчас он лишь тихо шелестел под ветром. Лишь изредка на пути встречались буковые рощи, да и тот чистый горный ручей в долине теперь струился прямо вдоль дороги, став самой обычной неглубокой речкой.

Деревня Куротани — Черная Долина — насчитывала почти двести домов, выстроившихся в ряд вдоль речки Куротани. Уже в полной темноте они зашли в забегаловку на краю деревни и выпили удивительно дешевого местного саке. Распахнув окно на втором этаже, они обнаружили сразу за домом ручей, и прохладный воздух, какой бывает в горах, пробежал холодком по коже. Сквозь журчание ручья, звучавшее то ближе, то дальше, внезапно сверху навалилось ледяное безмолвие вздымавшихся к небу гор, проникая глубоко в их тела вместе с алкоголем.

Рюдзэн, к удивлению Бонты, оказался крепким на выпивку — по сравнению с ним он почти не проявлял признаков опьянения, но время от времени, словно вспомнив что-то, весьма ловко поддразнивал служанку. В эти моменты он выглядел вполне естественно, но стоило ему испугаться или опомниться, как он тут же возвращался к своей

странной чопорной манере — это и был настоящий Рюдзэн. Бонте стало необычайно весело, он забыл об осторожности и напился вдрызг. Служанка, увидев, что он опьянел, стала настойчиво предлагать ему свои услуги.

Пожилая хозяйка, выйдя навстречу, поддержала ее:

— С настоятелем мы, конечно, таких дел не закупаем, но вы как гость непременно должны сегодня у нас заночевать.

Почему-то это прозвучало как совершенно обычное приветствие.

— Не лучший способ отметить приезд, — непринужденно ответил Рюдзэн, отказываясь за своего спутника. — Лучше уж переночевать в храме.

Он изящно пресек болтовню женщин, словно человек, не раз оказывавшийся в затруднительном положении, и сумел так ловко перевести разговор, что женщины, не успев и слова вставить, лишь рассмеялись:

— Вот злюка этот монах!..

Они покинули забегаловку под шумные проводы. Это были и вправду шумные проводы. Лишь там, где они стояли кучкой, раздавались шум и голоса, а все остальное пространство поглощала крошечная тьма, где даже вблизи, сколько ни прислушайся, не услышишь и не увидишь ничего. Когда они отошли немного, в ушах остался лишь выразительный шум горной долины.

Таково было первое впечатление Бонты от деревни Куротани. Но когда он пожил здесь, то по-

нял, что эта на первый взгляд заурядная деревня обладает немного странным, но неповторимым очарованием.

Куротани была деревней развратной. Беспечная лукавая чувственность — да, именно так! — витала в самом воздухе, придавая небесам, лесам и лугам ту расслабленную, простодушную ясность, что кажется порой бесстыдной. Однажды, гуляя по горным террасам, Бонта невольно ускорил шаг, и вдруг молодая крестьянка, высунувшись из колосьев, внезапно выпрямилась и звучно крикнула ему вслед: «Хелло!» Бонта как раз дошел до гребня холма. Обернувшись, он увидел вдали безбрежный пейзаж, где силуэт крестьянки казался лишь точкой, и эта картина глубоко пронзила его. Он почувствовал прилив бодрости и ответил таким же радостным «Хелло!», скрываясь за горой. Но потом ему показалось, будто за этим приветствием скрывалось нечто большее.

Вечером он рассказал о случившемся Рюдзэну, и тот сказал ему, что это было обычное в Куротани приглашение на ночное свидание. Тут он вспомнил, как однажды на живописной тропе вдоль хребта, ведущей к границе провинции, девушка, сушившая папоротник, явно бросила на него многозначительный взгляд. Впоследствии Бонта еще не раз сталкивался с подобным — в разных местах и в разных формах. Но это нельзя было назвать развратом, скорее это было нечто прозрачное, извечное — некая смутная интимная близость, затрагивавшая самые глубины его существа. Это было не выставле-

нием напоказ сокрытого, но полной, абсолютной беспечностью, что, подобно яркому небу, ровно струилась и раскрывалась вокруг.

В деревне, где полгода люди заперты снегами, а в оставшееся время солнце видят не так уж часто, сама природа отчетливо проступала и в человеческих чувствах. И лето здесь — лишь миг. Небо, солнце, благоухающие луга, деревья... Эта мимолетность, казалось, ставила печальную, безысходную печать на оборотной стороне торопливой чувственности, и лишь томная грусть проникала в сердце. И Бонта, поселившись в этом мире чувственности, начал ощущать невероятную легкость. И дело было не только в деревенских нравах: вершины, деревья, поля этой обычной горной долины — все это вместе породило особый ритм, который отзывался в его сердце.

Может, это и могло создать о Бонте впечатление как о сластолюбце, но в данном случае его спасало то, что он ждал от этого путешествия очень немного. Немалую роль играл и уют храма Канрандзи, неотделимый от очарования Куротани. С той первой ночи своего пребывания в Куротани, устроившись в отдельном закутке пристройки при храме, куда его поселил Рюдзэн, Бонта с самого первого мгновения почувствовал себя не гостем, но испытал необъяснимое чувство комфорта, будто вернулся в собственный дом, где жил когда-то давно.

В храме, кроме Рюдзэна, не было ни души, поэтому он мог обходиться без встреч с ним без особой нужды. А если они и сталкивались, Рюдзэн не

оказывал Бонте особых почестей как гостю, так что с едой тоже было просто: в любое время можно было пойти на кухню и поискать что-нибудь.

Порой скорее сам Рюдзэн, с видом человека, пришедшего в гости, навещал Бонту в его жилище, но это не было ни притворством, ни вежливостью, ни тем более подобострашием. Да и сам Бонта в такие моменты чувствовал странное: будто Рюдзэн — только гость, пришедший издалека. Случалось, они часами лежали, не разговаривая, но Бонта не чувствовал ни скуки, ни стеснения, как опасался перед отъездом. А потом оба засыпали, и, когда один просыпался и уходил на прогулку, вскоре просыпался и другой, смаковал пустоту безлюдного храма, словно с самого начала спал здесь один, и затем тоже уходил по своим делам.

Покидая эту атмосферу уюта и бродя без цели по Куротани, Бонта чувствовал, как деревня умиротворенно проникает в его душу, и, более того, в самом храме Канрандзи витала какая-то сладострастная дымка... Каждую ночь — может, ему и чудилось — он слышал крадущиеся шаги; деревянные подошвы осторожно, но отчетливо стучали по каменной дорожке — они проходили через главные ворота и исчезали в покоях Рюдзэна. Это была его любовница, приходившая сюда каждую ночь.

Разумеется, Рюдзэн не стал специально представлять ее Бонте, но и не делал из этого тайны. В тишине горной ночи до покоев Бонты иногда доносились сдавленные стоны, бессмысленные фразы

вроде: «А Западная Япония — это тебе не Северная Америка», а иногда слышались и женские рыдания, наводившие на мысли о соответствующей сцене. Бывали ночи, когда громкие рыдания долго не стихали, но Рюдзэн, казалось, не пытался скрыть этого от Бонты. Тот тоже не особенно прислушивался, так что до него долетали лишь обрывки бессвязных звуков. Он не чувствовал между ними ничего, что можно было бы назвать страстью, — как ни крути, это не выходило за рамки обыденности. Лишь смутно он догадывался, что женщина была несколько образованнее крестьянки.

И это все — довольно долгое время он не знал даже ее имени, не говоря уже о том, чтобы увидеть ее лицо. Правда, однажды в сумерках он мельком увидел эту женщину со спины. Это было, когда они с Рюдзэном шли по тропе к горячему источнику в соседней деревне — если это можно было назвать источником: всего одна гостиница с единственной ванной. На развилке, где тропа сходилась с главной дорогой, в темной аллее криптомерий они заметили крупную фигуру женщины с пучком высоко поднятых волос — она возвращалась в деревню.

Их пути не пересеклись, и Бонта не обратил на женщину особого внимания и не разглядел ее лица, но через некоторое время Рюдзэн вдруг обронил: «Это она. Моя женщина. Зовут Томая Юра». На самом деле еще до этих слов, в те несколько секунд молчания, прежде чем Рюдзэн заговорил, в воздухе повисла какая-то смутная грусть, позволившая Бонте догадаться. Да, он уже ощущал густую меланхо-

Сакагути А.

С 15 Домик в бамбуковых зарослях : повести, рассказы, эссе / Анго Сакагути ; пер. с яп. Е. Фроловой, Е. Мягкова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-31911-0

Жизнь японского прозаика, переводчика, эссеиста и литературного критика Анго Сакагути стала зеркалом XX века Японии. Известность к нему пришла в тридцатые годы, но настоящее признание — уже после войны. В его творчестве обрела голос послевоенная Япония, стоящая в тот момент на руинах собственной идентичности. Опыт военных лет, очарование творчеством Акутагавы Рюноске, погружение в европейский экзистенциализм — все это сформировало тот уникальный взгляд, который позволил Анго Сакагути стать одним из пионеров новой японской литературы. В настоящий сборник вошли избранные произведения писателя и его «Автобиография на ладони» — виртуозный образец ироничной саморефлексии. «Деревня Куротани», «Домик в бамбуковых зарослях», «В лесу под цветущей сакурой», а также художественно-историческая хроника «Ставка — жизнь», посвященная истории последних миссионеров в Японии эпохи изоляции, позволяют увидеть Японию во всей ее парадоксальности и самоценности.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

АНГО САКАГУТИ

ДОМИК В БАМБУКОВЫХ ЗАРОСЛЯХ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Нина Писковитина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.05.2026.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. Іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург к. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-CEL-41193-01-R